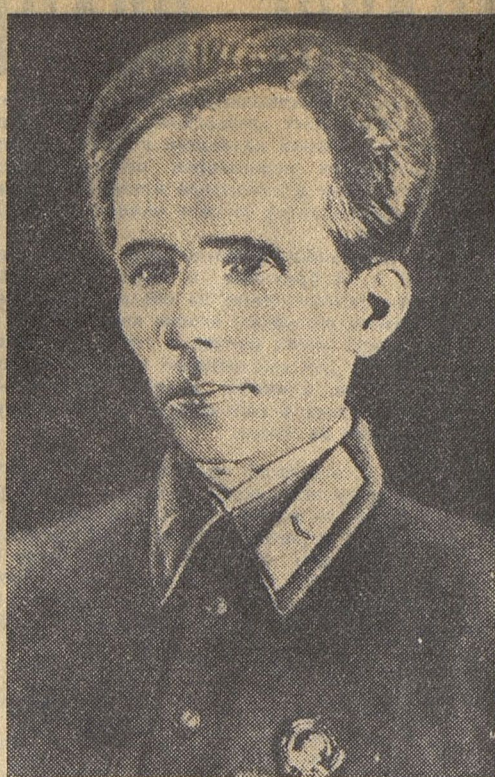

К 70-летию со дня рождения писателя-борца

К этому имени не надо прибавлять других слов — «выдающийся писатель», «героическая судьба», «несгибаемый борец». Его знают в нашей стране все — от мала до велика. И вряд ли найдется человек, который не преклонялся бы перед мужеством, волей, целеустремленностью писателя-коммуниста.

29 сентября Н. А. Островскому исполнилось бы 70 лет. Но он не подвластен времени. Своей жизнью, боевым, гражданским и творческим подвигом он заслужил бессмертие. И нынешняя юбилейная дата — повод к тому, чтобы еще раз почувствовать, сколь велика его власть над человеческими сердцами и сегодня. Его книга «Как закалялась сталь» является как бы учебником жизни советской молодежи. Павка Корчагин воспитал не одно поколение комсомольцев.

По всей стране проходят в эти дни литературные вечера, посвященные памяти Николая Островского, выставки, читательские конференции, встречи молодежи с ветеранами гражданской и Великой Отечественной войн, выходят в свет произведения Островского, книги о его жизни и творчестве. В издательстве «Молодая гвардия» подготовлен к печати сборник воспоминаний о писателе людей, знавших его лично. Они воссоздают образ этого удивительного человека, время и обстановку, в которой он жил. Мы публикуем несколько отрывков из этого сборника.

НИКОЛАЙ ОСТРОВСКИЙ

О. ОСТРОВСКАЯ

Слово матери

В 1918—1919 годы Коля вечерами работал на электростанции, а днем ходил в школу. И работал, и учился хорошо.

Как-то Коля исчез. Я спрашиваю у матроса знакомого, Федора Передрейчука, с которым дружил Коля:

— Ты не знаешь, где мой сын?

А он усмехается и говорит:

— Не беспокойтесь, мамаша, Коля не пропадет.

Федор знал, что Коля на фронте, но не хотел говорить об этом. Прошло около года. И вот как-то осенью 1920 года приехал в Шепетовку знакомый парень и сказал, что Коля раненый, лежит в госпитале в Киеве.

Хотела поехать к нему, но денег не было. Написала письмо. Через месяц получила ответ. Коля писал, что скоро выпишется и придет здоровый. Несколько раз ходила к поезду, чтобы встретить его, но он не приезжал. Однажды пришла на станцию. Жду. Подошел поезд. Смотрю — из вагона выходит Коля, худой, желтый лицом, на костылях. У меня сердце сжалось, но виду не показываю. Радуюсь, что вернулся. Он тоже старается быть бодрым. Но вижу, не тот Коля, будто много лет он прожил и многое испытал. На мои вопросы отвечает скупно.

— Знаешь, мама, мне досадно, что я тебе столько горя доставил.

И. КИРЮШКИН

Слово сверстника

Познакомился я с Николаем Алексеевичем Островским в начале 1935 года, когда приехал в Сочи редактировать городскую газету. Он позвонил в редакцию, извинился, что сам не может прийти, пригласил меня к себе.

В тот же день отправился я на наше первое свидание, на Ореховую улицу. Переступив порог комнаты, я увидел человека, лежавшего на кровати под одеялом. Поразили большой лоб и совсем юношеская улыбка.

— Подожди, пожалуйста, ближе. Дай пожать твою руку, — услышал я мягкий голос. — Будем на «ты», ведь мы из одного теста: ты чапаевец, а я буденновец. Позволь задержать твою руку в своей — так я лучше чувствую собеседника...

Черты его лица, мимика были очень выразительны. Простые и правдивые слова глубоко проникали в душу. Он покорял самообладанием и неисчерпаемым оптимизмом. Особенно запомнились его страстные слова о том, что закаляло молодежь в суровые годы гражданской войны.

— Борьба, борьба за утверждение идей большевизма, борьба за Советскую власть — власть трудового народа. Мы преодолевали неимоверные трудности потому, что были собраны вокруг настоящей идеи, она делала нас сильными людьми.

Затем он спросил, участвовал ли я в отражении «психической» атаки белогвардейцев, когда Чапаевская дивизия громила колчаковцев под Уфой летом 1919 года. Выслушав утвердительный ответ (я был тогда командиром взвода в Пугачевском полку), Островский продолжал:

— А помнишь, у Фурманова в «Чапаеве»: черными колоннами без человеческого голоса шли в наступление офицерские батальоны, чтобы молча полойти к измученным цепям и внезапным ударом переколоть, перестрелять, уничтожить... Фурманов назвал эту встречу ужасной... Чапаевцы подпустили врага вплотную и разом обрушили на него шквал огня. Судя по тексту повести, они находились в центре боя. Что ты чувствовал, видя перед собой белогвардейцев, идущих с винтовками наперевес?

— Только бы не осечка! Одна эта мысль сверлила мозг, — ответил я скороговоркой. Ответил так потому, что это переживание оставило след в сознании на всю жизнь. — А осечки иной раз случались. И оттого, что попадались плохие патроны, и от небрежного обращения с оружием. При отражении «психической» атаки осечки погубили бы нас.

— Одзко осечек не произошло ни в патронах, ни в сердцах чапаевцев, — произнес Островский, сжимая мою руку. — Вот так-то, друг, бойцы и закаляли себя: перед глазами смерть, а в голове сверлящая мысль: «Только бы не осечка...».

В. ИНБЕР

Слово писателя

Каждое утро я говорила себе: «Сегодня я пойду к нему». Ему не шла. Не могла. Я боялась, что вдруг его, незлечимо больному, неподвижному и погруженному во мрак, я скажу: «А вы видели?..» Словом, все то, что так

легко говорили друг с другом мы, здоровые люди.

...Маленький открытый «газик» помчал нас по новой автостраде. Внезапно мы свернули в сторону и попали в тихий городок Сочи.

— Здесь! — сказал один из нас, знавший эти места. Скрипнула калитка. Мы прошли по выложенной щебнем дорожке, миновали терраску, прошли первую комнату. Во второй лежал Островский.

— Входите, входите, товарищи, — раздался полный жизни голос. — Входите и каждый называйте себя по имени.

Подошла моя очередь. Я наклонилась и назвала себя.

— Вы? — сказал Островский. — Я вас читал когда-то... Рассказы. Но никогда вас не видел.

Мы сели. Начался разговор. И через минуту никто из нас уже не помнил о том, что мы пришли к больному человеку. Перед нами был здоровый писатель — вот что было главное.

— Я теперь знаю, какая вы, — сказал он неожиданно, обращаясь ко мне. — Вы небольшая и двигаетесь легко.

— Почему вы решили?

— А я слышу, что ваш голос раздается из разных мест. Значит, вы все время расхаживаете по комнате, а ни ваших шагов, ни движений не слышу. Отсюда вывод...

И он, довольный, улыбнулся. Тогда я поняла, как он борется со своей слепотой, как он мобилизует все остальные свои чувства, как он организован в своем несчастье, как он заставляет себя не быть несчастным и как это удается ему.

Последний раз я пришла к Островскому накануне своего отъезда. Наш садовник, узнав, с кем я иду прощаться, срезал мне две белые розы, одну полурасцветшую, другую в бутоне.

Островский лежал в саду на узкой походной кровати, под деревом. Он был не один. Вокруг него на табуретках, стульях и прямо на траве разместились человек пятнадцать-двадцать гостей. Рядом с Островским на маленьком столике был раскрыт патефон. «И тот, кто с песней по жизни шагает...» — звучало оттуда. Островский слушал с наслаждением.

— Ребята, — сказал вдруг хозяин, — а ну-ка споете живыми голосами мою любимую. Партизанскую. А ну-ка! — И он подал знак слабой своей рукой.

Запели. И по тому, как согласно звучал хор, можно было судить, сколь любима песня. Глядя прямо перед собой незрячими глазами, Островский подпевал, и по лицу его проходили воспоминания.

Вдруг с моря дохнул ветер, листва тревожно задвигалась, и тогда, не сговариваясь и не переставая петь, двое юношей в майках и два красных командира подошли к узкой походной кровати, подняли ее. И так с песней внесли Николая Островского в дом.

К. НЕМЦЕВА

Слово парторга

Николай Алексеевич Островский состоял на партийном учете в первичной парторганизации при Сочинском горкоме ВКП(б), где я была секретарем.

Николай Алексеевич настойчиво требовал какого-либо партийного поручения. Я ему сказала, что он как писатель выполняет свой долг перед партией. Он обиделся и заявил, что литературная деятельность — это, мол, профессия, а так как он член Коммунистической партии, то должен выполнять ее Устав, а следовательно, иметь партийное поручение. После обсуждения мы поручили Островскому вести занятия литературного кружка молодежи.

На его квартире собиралась молодежь предприятий, санаториев и учреждений города. Николай Алексеевич по несколько часов беседовал с молодыми людьми. Рассказывал о композиции, стиле, о том, как выразительнее писать и как надо работать над книгой.

Первого октября 1935 года Сочинский горком партии получил сообщение о награждении Н. А. Островского орденом Ленина. Мне как секретарю парторганизации поручено было в официальной обстановке объявить Островскому это постановление. После работы наши коммунисты пошли к нему на квартиру. Встретила нас Ольга Осиповна. Она еще находилась под впечатлением посещения М. И. и Д. И. Ульяновых. Дмитрий Ильич и Мария Ильинична долго беседовали с Островским. «Какой у нас сегодня горький день», — говорила Ольга Осиповна, — к нам приходили такие дорогие гости!..»

Я сказала Николаю Алексеевичу, что мы пришли провести у него на квартире партийное собрание. А он, как всегда, с шуткой: «Вы нарушаете Устав партии — заранее не сообщив о дне собрания и повестке дня». Я ответила, что сегодня внеочередное собрание.

Мы горячо поздравляли Николая Алексеевича с правительственной наградой. Долго беседовали, шутили, пели комсомольские песни, заводили патефон.

Торжественный вечер в Москве

27 сентября в Московском Дворце пионеров и школьников на Ленинских горах состоялся торжественный вечер, посвященный 70-летию со дня рождения писателя-коммуниста. Он был организован ЦК ВЛКСМ и Союзом писателей СССР.

Жизнь Островского является для всех прогрессивных людей

мира символом твердости духа, революционной страстности, неиссякаемой веры в коммунистические идеалы, сказал, открывая вечер, секретарь правления Союза писателей СССР А. А. Сурков. Секретарь ЦК ВЛКСМ Л. И. Матвеев подчеркнул, что Николай Островский пришел в комсомол в суровые

20-е годы. Пришел и остался в боевом строю навечно. Биемие его сердца — в биемие сердец строителей нового мира, в их делах и свершениях.

Слово о Николае Островском произнес секретарь правления Союза писателей СССР Б. Н. Полевой.

(Корр. ТАСС).